

Рубрика: Политическая гостиная «КИ»

Владимир Бобков: «Если вернём в школы воспитание вместо оказания услуг – это будет победа»

Проект «Политическая гостиная «Крымских известий» продолжается, и на этот раз в гостях у известинцев побывал представитель плеяды молодых политиков – Владимир Бобков, возглавляющий Комитет Государственного Совета РК по образованию, науке, молодёжной политике и спорту. Отрасль, которую он курирует, хоть и является старой как мир, но в какой-то мере тоже претендует на звание молодой – по крайней мере, в крымских реалиях. В считанные сроки перейдя на российские стандарты и образовательные программы, мы оказались в самом начале нового пути с его неизбежными осечками, трудностями и, конечно, победами. В общем, тем для беседы нашлось немало, и гость редакции вместе с журналистами рассуждал, какие вызовы стоят перед крымским образованием, в каком направлении мы движемся и с чем столкнемся в ближайшие годы.

-- Недавно в Крым приезжал московский профессор, известный достоевед Игорь Волгин. Встречаясь с нашей интеллигенцией, столичный гость высказал удивительное мнение: мы слишком большие надежды связываем с образованием. Множество людей, не державших в руках Толстого, Достоевского и Пушкина, тем не менее стали вполне приличными членами общества. И, наоборот, чтение Альбера Камю или Джеймса Джойса может прекрасно уживаться с самыми низменными пороками. Как вы полагаете, действительно ли образование – такая важная вещь?

-- Прежде всего, надо понимать, что современный Крым – образовательная провинция со свойственным ей консерватизмом. Нам, провинциалам, подобные прогрессивные высказывания режут слух. Довелось побывать в этом году на питерском экономическом форуме. Некоторые из дискуссий на панелях меня действительно шокировали. К примеру, представитель фирмы, лидирующей в IT-технологиях, доказывал: им нужны специалисты, разбирающиеся в конкретных, важных для компании вопросах, а не обладатели дипломов, знакомые с творчеством Камю. Труд людей, чьи головы не засорены лишней информацией, высоко оценивается. Для меня как представителя провинции этот якобы лишний фундамент – цивилизационный, мировоззренческий, образовательный – важен, и я автоматически считаю его важным для всех, кто учится сегодня. Конечно, вряд ли меня как личность формировал Толстой – будем откровенны, в школьные годы я не понимал и половины того, что хотел донести автор устами Безухова или Болконского, как и не осознавал, например, мотивов Раскольников. Но именно школьное знакомство с классиками побудило обратиться к этим книгам в более зрелом возрасте и найти ответы на многие вопросы. Между тем мы не можем игнорировать эти изменения и обязаны реагировать на новые вызовы, новые запросы общества. Нужно вводить новшества, но не путём полного уничтожения основ.

-- Крымская сфера образования претерпела существенные изменения. Мы перешли на новые программы и стандарты. К лучшему ли перемены? Все ли было так плохо, или что-то из прошлого периода стоит сохранить и преумножить?

-- В условиях резких перемен мы убедили себя, в том числе с подачи федеральных СМИ, что наша главная беда – несовершенная, мягко говоря, материально-техническая база. И её улучшение – ключевая задача, панацея от всех бед. Да, инфраструктура действительно была доведена до плачевного состояния, и у нас получается, хоть и не без скрипа, выводить её на новый уровень. Но за этим процессом начали забывать, что самое сложное – совсем не он. Любая стройка – два года, а вот подготовить кадры, систему, способную

использовать достижения технического прогресса – вопрос как минимум поколения. Независимо от финансирования его не решить быстро, ведь только обучение студента в вузе занимает пять лет, а его ещё нужно убедить работать по специальности. Сегодня главный вызов именно в этом, и он будет звучать всё более остро. Что касается образовательных программ, в первую очередь изменению подвергаются так называемые мировоззренческие предметы. Их первым делом трансформировали, когда уходили от царской России к Советской власти, они же были искажены при Украине, особенно в части истории. Поэтому три года назад нужно было кардинально менять программы, причём максимально быстро. А вот точные и естественные науки были на неплохом уровне и раньше. На самом деле важно другое. Именно в новых реалиях мы начали говорить о воспитании в школе, а выражение «образовательные услуги» стало фактически ругательным. Услуга – это приоткрыть дверь перед человеком с пакетами в руках. Оказали – и забыли, и не несём никакой ответственности за то, что ждёт его за дверью. Школа же закладывает фундамент, с которым человек пойдёт по жизни. Программы отточим, возьмём лучшее, отбросим лишнее. Вот если сможем вернуть в школы воспитание – это будет главная победа.

-- Не все перемены пришлись по нраву. Учителя жалуются на обилие документации, всевозможных отчётов, на зарплату, которую одной рукой подняли, а другой – снизили. Опытные педагоги уходят из школы, не выдерживая давления. Преувеличивают, или действительно не всё так гладко?

-- С одной стороны, отчётность важна, она позволяет проконтролировать, как педагог организывает учебный процесс, следит за посещаемостью учеников. С другой стороны, превратив всё это в образовательные услуги, попытавшись вогнать в рамки, мы не оставили место собственно душе педагога, а ведь это самое главное в образовании. У каждого из нас есть воспоминание о каком-то учителе, который, например, погладил по голове за пятёрку, а двоечника простимулировал так, что тот сначала на тройки перешёл, а потом и на четвёрки. И вот это сегодня отставили на второй план, а бюрократическую составляющую сделали доминирующей. Проблема не крымская, а общероссийская, раз уж подобные вопросы доходят даже до уровня президента, и он вынужден на них отвечать. Под удар попали не только рядовые учителя, но и руководители учебных заведений. Директор организывает учебный процесс, он – флагман, капитан, определяющий курс. И это сегодня человек, давно переставший заниматься образованием. На нём – комплекс хозяйственных вопросов: щётки, тряпки, ремонт, трещины, лицензирование, аккредитация, охрана, заборы... У многих уже глаза потухшие. Что касается стимулирующих выплат, призванных изначально поощрять учителя, то сегодня они действительно стали синонимом конфликта. И это снова приводит нас к тому, что директор – капитан довольно автономного в современных реалиях корабля. Один проведёт судно через бури, другой – посадит на мель.

-- Речь зашла о душе, воспитании... В своё время авторитет учителя был незыблем, даже отъявленные хулиганы не смели его ослушаться. На каком этапе мы это потеряли? Как вернуть престиж профессии?

-- Ещё лет десять-пятнадцать назад Россия находилась в жесточайшем кризисе. И хотя он преодолён, до расцвета далеко – утеряно многое, бороться с последствиями придётся десятилетиями. Мы фактически обрезали учителю крылья. Запретили детям убирать пришкольную территорию, ликвидировали производственную практику. Сегодня родители засыплют жалобами не то что Государственный Совет – Администрацию Президента, если детей в старших классах попросят побелить класс или хотя бы сделать генеральную уборку – это же нарушение 48 норм техники безопасности и попрание прав ребёнка! В результате растим дитя, которому все должны, он же не должен ничего и

никому. И требуем от учителя, загнанного в жёсткие рамки, творить, развиваться, воспитывать... Поверьте, и творят, и развиваются, но далеко не так, как могли бы. Но не могу сказать, что современные дети не уважают педагогов. Просто мы судим всё поколение по тому, что видим, а наблюдаем мы, как правило, подростков, блуждающих по улицам, распивающих алкоголь, задирающих прохожих... И забываем о тех, кто сидит в лабораториях, сгоняет седьмой пот в спортивных залах, делает уроки, читает хорошие книги, а таких очень много. Это характерно для любой исторической эпохи. Когда говорили о Базарове, образовательные реалии были совсем другими, а ворчание старших – таким же: молодёжь потеряна, выбрать не из кого, лидеров нет, будущего нет... В прошлом году проводил в судакской школе №1 открытый урок, посвящённый «Крымской весне», и не мог поверить, что это обычный десятый класс и обычный урок, подготовленный силами школьников. Творческий, интеллектуальный, патриотический подход – на высшем уровне. Что ж мы их принижаем настолько, что считаем потерянными поколением?

-- Говоря о взаимоотношениях ученика и учителя – какими они должны быть? Партнёрскими, или руководителя и подчинённого?

-- Наверно, и так, и так. В какой-то ситуации лучше отнестись с пониманием, поддержать, пожалеть, а где-то и надавить авторитетом, настоять на своём, настроить на выполнение нужных задач вопреки всем «не хочу». Педагог должен чувствовать коллектив, это очень важно. Одни с этим талантом рождаются, иные приобретают с опытом, ошибаясь, пробуя разные подходы, а некоторые так и не постигают это искусство. Мне доводилось работать в вузе, и ни одна моя пара не была сорвана, хотя контингент был разным. Просто аудиторию надо чувствовать: где-то пошутить, где-то пожалеть или отпустить на 10 минут раньше, а когда надо – прижать и заставить 15 раз ходить на пересдачу.

-- Через несколько дней начнётся новый учебный год – насколько новым он будет? Какие старые проблемы захватит с собой?

-- Проблем, к сожалению, много. Комитет провёл август в регионах – побывали во всех без исключения. Посетили объекты строительства, реконструкции – текущие и завершённые. Мы объективно готовы лучше, чем два-три года назад. Но при этом находимся на грани очень большой проблемы, способной поставить под угрозу все наши приобретения – речь о кадрах, которых не хватает катастрофически, особенно в сельской местности. Чтобы наполнить все учебные заведения, которые мы строим, например, в Судакском муниципальном округе, нужно порядка 300 сотрудников – а новые объекты появятся во многих регионах, не только в Судаке. Не надо быть математиком, чтобы понять глубину проблемы. Закладывая огромные суммы под строительство школ и детских садов, нужно параллельно строить жильё для молодых специалистов, но, к сожалению, в этом вопросе мы пока не находим понимания. Проблемы с кадрами есть даже в Симферополе и Ялте, что уж говорить о менее привлекательных регионах, где надо решать целый комплекс проблем. К примеру, чтобы привлечь специалиста в село, нужно предложить не только достойную зарплату, но и возможность трудоустроиться супругу или супруге педагога, детские сады и кружки для его детей и прочие важные вещи.

-- К слову, именно в сёлах существуют так называемые малокомплектные школы. С одной стороны, содержание таких учебных заведений стоит немалых средств, с другой – они являются «последними очагами жизни» на периферии, и их закрытие воспримется болезненно.

-- Малокомплектная школа действительно стала символом стабильности, признаком теплящейся жизни. И многие жители относятся к этим учебным заведениям как к последнему рубежу, который надо удержать, чтобы сохранить село – мне это по-

человечески понятно. Но у медали есть вторая сторона, не менее жестокая и реальная. Возьмём, к примеру, школу в селе Рисовом, где на 37 учеников приходится 30 педагогов. Один школьник обходится бюджету более чем в 200 тысяч в год – высшее образование дешевле. При этом качество не то что не лучше – хуже, потому что маленький коллектив расслабляет. Чем больше аудитория, тем сложнее её управлять, тем большее внимание приходится уделять подаче материала. А в малых группах процветают побратимство, расслабленность. В результате уровень знаний на выходе не позволяет выпускникам таких школ конкурировать со сверстниками при поступлении в вузы. Вот и стоит выбор: на одной чаше весов судьба села, на другой – судьба ребёнка. Однозначных рецептов нет, каждый случай надо рассматривать индивидуально. Как правило, когда речь заходит о ликвидации такого учебного заведения, предлагается альтернатива в виде подвоза в соседнюю крупную школу. Так что если в пределах одного сельского совета есть крупная школа и малокомплектная, нужно думать в первую очередь о детях, чуть меньше церемониться и чуть быстрее принимать решения.

-- Недавно завершилась вступительная кампания, в этой связи вопрос – как вы относитесь к ЕГЭ, который зачастую критикуют сами преподаватели?

-- В своё время ЕГЭ вводилось, чтобы минимизировать уровень коррупции, сделать единую государственную аттестацию одинаковой для любого ученика, и это во многом удалось. Конечно, вузы всегда находят свои инструменты отбора, но это лишь малая часть той проблемы, которая существовала ещё 10 лет назад. Без побочных эффектов, конечно, не обошлось. Современный одиннадцатиклассник весь последний год готовится к ЕГЭ. Не получает знания и не становится умнее, а натаскивается на конкретную задачу – ответить на тестовые вопросы. Например, я, квалифицированный историк, сдам школьный экзамен в лучшем случае на средний балл. Потому что историк-специалист – это не человек, который помнит все даты и имена правителей Ирана, а тот, кто понимает ход исторического процесса и знает, что восстание Богдана Хмельницкого и времена Кромвеля в Англии были примерно в одно и то же время, и теоретически их можно рассматривать как явления единого исторического процесса. А подзабытую дату всегда можно уточнить в энциклопедии. На ЕГЭ же лучшими становятся дети, берущие упорством, зубрёжкой, системным подходом. Они тоже нужны и важны, никто не принижает их старания, но всё же тем самым мы отсекаем солженицыных, писавших первые сочинения на тройки.

-- Любой родитель скажет, главное для него – дать ребенку хорошее образование. При этом сплошь и рядом встречаются дипломированные специалисты, не знающие азов своей профессии. Что не так с высшей школой?

-- Очень многое уже во времена моей учёбы было оставлено на совесть студента. Я, к примеру, был фанатиком, влюблённым в свою специальность, и уже 1 сентября пропадал в библиотеке, но так делали не все. Уровень подготовки к работе в школе был крайне низок – преподавание педагогики скорее отбивало желание работать с детьми. Практика – вопрос везения. Ничего в рамках образования не цепляло, чтобы хотелось пойти в школу, поэтому ты и не готовишься к работе по профессии – просто не видишь себя в этой роли. А когда жизнь всё-таки вынуждает вспомнить, какая специальность указана в дипломе, оказываешься некомпетентен. И потом, вы не представляете объем девальвации научных степеней, развернувшийся в украинский период. Кандидатами гуманитарных наук становились все желающие, имевшие достаточно средств – в какой-то момент это звание стало ругательным. Я сам, будучи кандидатом исторических наук, устал доказывать и объяснять друзьям, что свою диссертацию написал в 24 года самостоятельно и защищал с наличием собственной монографии. Винить их в том, что подобные вопросы возникали,

не могу – больше половины защит проходили именно так. К счастью, мы преодолели эту тенденцию, но проблем пока ещё хватает.

-- Изменилось ли что-то в среде молодых учёных? Ценят ли в России неординарность и талант?

-- Безусловно. Я бы хотел, чтобы моя научная юность проходила в сегодняшних условиях. Поверьте, при Украине никто, за исключением пары десятков киевлян, не знал, что такое грантовая поддержка от государства. Мне приходилось самому зарабатывать, будучи студентом, чтобы заниматься научными изысканиями, ездить в командировки, доставать материалы. Сегодня гранты Госсовета выросли из смешных до вполне приличных, на эти деньги можно съездить в серьёзную научную командировку. В университетах нормально оплачивается работа сотрудников, разрабатывающих научные темы. Сказать, что система идеальна и готова не только не отпускать молодых учёных за границу, но и привлекать специалистов из-за рубежа, нельзя. Финансирование науки в сравнении с некоторыми другими странами слишком маленькое, но это куда лучше, чем то, что было.

-- Как вы относитесь к дистанционному, надомному обучению, о котором сегодня если не в Крыму, то в России говорят много? Это уход к чему-то лучшему или побег от страхов и сомнений?

-- Если речь идёт об обязательном образовании с получением аттестата, то к дистанционному обучению я отношусь плохо. Мы снова возвращаемся к вопросу образовательных услуг и воспитания. Дистанционно мы личность не сформируем – в лучшем случае, если имеем дело с понимающим и ответственным учеником, научим его считать, писать и так далее. Но школа – это не только математика, биология и русский язык, это работа в коллективе, понимание своего места в нём, проявление лидерских качеств, поиски компромиссов – одним словом, социализация. Если же речь идёт о дополнительном образовании, различных курсах – почему бы и нет?

-- Иногда люди уходят от традиционных форм не потому, что хотят идти в ногу с техническим прогрессом, а просто сталкиваясь с негативом в школе и желая от него дистанцироваться.

-- А вот здесь свою роль играют СМИ. Вспомните, наша школьная жизнь состояла не только из уроков, контрольных и домашних заданий, но и из драк, разбитых носов, подтруниваний одноклассников, порой довольно обидных. Это всё было, есть и будет в обществе. Когда включаешь телевизор и видишь в новостях обилие репортажей, как какие-то дети издеваются над одноклассницей, недоумеваешь – зачем это показывают? Есть правоохранительные органы, которые должны разобраться и наказать виновных. Зачем мы популяризируем это? Мы ведь тем самым пугаем родителей, чьи дети ходят в школу, самих школьников, в конце концов, подаем идеи подросткам, склонным к жестокости. СМИ говорят, что показывают это в расчете вызвать чувство отвращения к подобным явлениям, но они заблуждаются. Римляне кричали «хлеба и зрелищ», потому что хотели смотреть на убийства в Колизее, просвещенная Англия в XIX веке ходила на казни, как на театральные представления – такова человеческая природа. Не отвратим мы никого такими репортажами. Одних потешим, других запугаем, вот и всё. Иногда общество нужно дистанцировать от самого себя.

-- А как вы относитесь к частным школам? Считается, что там учатся только мажоры, покупающие аттестаты, в учебном заведении их воспитывают уверенными в своей исключительности.

-- Последнее – заслуга скорее семьи, чем школы. Если родители от ребёнка не будут ничего требовать, не будут ни в чём ограничивать, а только оправдывать все его проступки... Такой вот и вырастет человек. Частная школа – такое же явление, как частный вуз, она может быть и хорошей, и плохой. Где-то действительно выкачивают средства из родителей, а где-то дают знания лучше, чем в других учебных заведениях, дают больше возможностей – и берут за это деньги. В конце концов, все мы за что-то платим, особенно если хотим получить высокое качество.

-- Мы уже говорили о реанимировании старых форм и традиций, один из наиболее ярких примеров – ГТО. Действительно ли эти нормы привлекают молодёжь к спорту и здоровому образу жизни? Стал ли массовый спорт более доступным для крымчан за последние пару-тройку лет?

-- Скажем так, с этой отраслью у нас всё не так хорошо, как с образованием. Мы закрывали в первую очередь наиболее явные и болезненные бреши, а спорт остался за бортом. Сам комплекс ГТО – хорошая, правильная традиция. Может ли он являться инструментом решения проблемы? Нет, да и не должен. Это лишь один шаг на правильном пути, который затронет определённый сегмент общества. Сдача норм ГТО – показатель физической готовности, а не инструмент её повышения, это демонстрация, которой должны предшествовать системные занятия. На мой взгляд, молодёжь сегодня разделилась на две группы: часть её куда сильнее и спортивнее нас в своё время, другая – многократно слабее. Середины нет, а именно она формирует здоровье нации. ГТО и направлен на то, чтобы дать возможность показать себя не титулованному спортсмену, а обычному человеку, который просто следит за своей физической формой. Что касается инфраструктуры и доступности – сегодня мы далеки от того, чтобы полностью удовлетворять потребности крымчан. Переполнены даже те секции, где занятия проходят не в самых лучших условиях. У пловцов до сих пор базовая тренировка – сухое плавание. Таковы реалии нашего времени. Но впадать в пессимизм тоже не стоит, улучшения есть: ремонтируются спортзалы в сельских школах, устанавливаются площадки ГТО, заложено финансирование под бассейн в Симферополе. Я верю, что мы идём правильным путём.

Подготовила Анастасия ТИМОФЕЕВА.

Фото Арвидаса ШЕМЕТАСА.